МИЛАН МАРИКОВИЧ

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО

5

ПОСЛЕДНИЙ РЕМОНТ

ПОПАДАНЕЦ. ИНЖЕНЕР. НОВЫЙ МИР.
НАСТОЯЩИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Милан Марикович

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО.
Книга 5. Последний ремонт

«Автор»
2026

Марикович М.

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО. Книга 5. Последний ремонт / М. Марикович — «Автор», 2026

Алексей Лавров двадцать лет обследовал аварийные здания и знал: само ничего не ломается. Поэтому, очнувшись после обрушения в чужом теле, с чужими долгами и в мире, где воду запускают заклинанием, он первым делом спросил не «где я», а «кто менял настройки». Королевство Тарвен живёт на древней магической сети, которую никто не понимает: маги поют машинам Слова, гильдия бережёт свои тайны, а столица тихо выкачивает силу из провинций. Алекс не умеет колдовать. Зато он умеет мерить, считать, признавать ошибки и учить людей. Этого хватает, чтобы чинить невозможное: городской водопровод, дороги, которые исчезают с карт, систему, которую столица держит в кулаке. Только чем лучше он чинит, тем внимательнее за ним следят. Пять романов о мастере, который строит не чудеса, а сеть, где каждый город может выстоять сам. С юмором, инженерной смекалкой и командой, которой хочется доверить собственный дом.

© Марикович М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Предел 5
Глава первая. Устав крепости Предел 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО. Книга 5. Последний ремонт

Часть первая. Предел

Глава первая. Устав крепости Предел

Устав крепости Предел занимал четыреста двенадцать страниц. Велар начал читать его в первый же вечер.

Он сидел в библиотеке крепости — маленькой комнате с узким окном на запад, на Пустошь, — под единственной лампой, с толстым томом в кожаном переплёте, и читал. Медленно. Страницу за страницей. Шевеля губами только на номерах пунктов.

Я заглянул к нему за полночь. Он был на сороковой странице.

— Велар, — сказал я. — Спать.

— Не могу, — сказал Велар, не поднимая головы. — Я обещал коменданту прочитать до конца.

— Четыреста страниц.

— Четыреста двенадцать, — поправил Велар. — Комендант читает сорок лет. Он сказал, что дошёл до конца один раз. В молодости. И с тех пор читает только последний пункт.

— Почему?

Велар перевернул страницу.

— Потому что всё остальное, — сказал он, — про то, как правильно стоять у стекла.

Я сел напротив. Взял том. Открыл наугад. Ирма потом переводила мне древние обороты, но и без неё было понятно.

«Пункт двести семнадцатый. Часовой у стекла обязан смотреть на запад. Смотреть на восток часовому у стекла запрещается, ибо восток охраняется иными часовыми».

«Пункт двести восемнадцатый. Если часовой у стекла увидит на западе нечто, не являющееся Пустошью, он обязан доложить, что видит Пустошь, ибо на западе нет ничего, кроме Пустоши».

Я перечитал двести восемнадцатый пункт три раза.

В моём мире про такие вещи писали книги. Толстые, умные, с подзаголовками вроде «Феноменология институционального восприятия». Их читали студенты философских факультетов и потом пили на кухнях, обсуждая, что реальность — это конструкт. Здесь не было философских факультетов. Здесь был пункт двести восемнадцатый. Который двести лет предписывал солдатам видеть то, что положено, а не то, что есть.

Мы — семь человек с флажками, пришедшие вчера с запада, — по пункту двести восемнадцатому были Пустошью. Комендант Стах нарушил устав, когда написал на доске «Докажите, что вы не она». По уставу он должен был доложить, что видит Пустошь, и не думать.

Он подумал. Это, наверное, было самым большим нарушением устава за двести лет.

Я долго думал об этом пункте. Граница, понял я, — это вообще не линия на земле. Это договорённость о том, что по одну сторону от неё всё имеет имя, а по другую — только одно слово. Пустошь. Государство двести лет держало купол не для того, чтобы туда не прошло что-то страшное. А для того, чтобы туда не надо было смотреть. Самое удобное в любом заборе — что за ним не нужно разбираться. За ним просто «там».

Солдаты Предела двести лет смотрели в «там». И видели то, что положено видеть в «там». Это была, если подумать, очень спокойная служба. Никаких сомнений. Никаких вопросов.

Только стекло, запад и пункт двести восемнадцатый. В моём мире люди платили большие деньги за ретриты, где их учили так же: не оценивать, не задавать вопросов, просто смотреть. Здесь за то же самое платили двойное жалованье.

— Велар, — сказал я. — Ты понимаешь, что этот устав — машина для того, чтобы не видеть?

Велар поднял голову. Посмотрел на меня. Потом на окно. На Пустошь за ним. Серебряную. Колышущуюся. С полосой тишины посередине.

— Понимаю, — сказал он. — Я двадцать лет служил по такому же. Только про мосты.

Утром комендант Стах показал нам стену.

Он повёл нас сам. Без свиты. Через двор крепости — серый, вымощенный, чистый до неестественности, как бывают чистыми только дворы, по которым двести лет никто не ходил без приказа. Мимо казарм, у дверей которых стояли солдаты и смотрели на нас так, как смотрят на ожившую иллюстрацию из устава. Вниз. По каменной лестнице. В подвалы.

Подвалы крепости были огромными. Глубокими. Сухими. Ярус за ярусом. На первом — склады. На втором — оружейная. На третьем — пусто. На четвёртом — тоже пусто. Только стены. Серые. Гладкие. И в конце длинного коридора — стена.

Она была другой. Не серой — чёрной. Не гладкой — испещрённой знаками. Как ворота в Чёрном гребне. Как стены у Сердца. И в центре стены — печать. Огромная. Бронзовая. Позеленевшая. Круг. С точкой в центре.

Знак Арвида.

Под печатью — надпись. Вырезанная в камне. Глубоко. Ирма прочитала.

— «Не открывать. Держит».

Два слова.

Стах стоял перед стеной. В старом доспехе. Без шлема. Смотрел на печать.

— Мой предшественник привёл меня сюда в первый день, — сказал он. — Сорок лет назад. Показал. Сказал — за стеной то, что держит купол. Сказал — не открывать. Сказал — так было всегда. — Пауза. — Его предшественник сказал ему то же самое. И так — двести лет.

— Вы когда-нибудь думали открыть? — спросил я.

Стах посмотрел на меня.

— Думал, — сказал он. — Каждый год. В день, когда принимал командование. — Пауза. — Потом читал устав. Пункт сто четвёртый. «Стена в нижнем ярусе не открывается ни при каких обстоятельствах, кроме приказа короля». — Ещё пауза. — Король не приказывал. Ни разу. Двести лет.

— Король не знал, что стена есть, — сказал Велар.

Стах повернулся к нему.

— Откуда вы знаете?

— Я двадцать лет служил в королевской инспекции, — сказал Велар. — В реестре королевских сооружений крепость Предел значится как «военное укрепление на западной границе». — Пауза. — Про стену в нижнем ярусе в реестре — ничего. Про узел — ничего. Про то, что купол держится не магами гарнизона, а чем-то за стеной, — ничего.

Стах молчал долго.

— Значит, король не мог приказать, — сказал он наконец. Медленно. — Потому что не знал. А не знал, потому что не записано. А не записано, потому что Средоточие не записало. — Пауза. — А устав говорит — только по приказу короля.

— Это называется замкнутый контур, — сказал я.

Стах посмотрел на меня.

— Что?

— Система, которая сама себя защищает от того, чтобы её открыли, — сказал я. — Вход разрешён только тому, кто о входе не знает. — Я помолчал. — У нас такое называется «уловка

двадцать два». Был такой роман. Про солдат. Там лётчик мог получить освобождение от полётов, если сойдёт с ума. Но если он просит освобождения — значит, он в своём уме, раз боится летать. — Я посмотрел на стену. — Значит, летит дальше.

Стах долго молчал. Потом сказал, глухо:

— Хороший роман.

— Хороший.

— Чем кончается?

Я подумал.

— Лётчик сбегает, — сказал я. — На лодке. В Швецию.

Стах посмотрел на стену. На печать. На два слова: «Не открывать. Держит».

— У меня нет лодки, — сказал он. — И нет Швеции.

Ирма стояла у стены. Со стеклом. Смотрела долго. Очень долго. Мы все ждали.

— Он там, — сказала она наконец. — Узел. Большой. Как на Перевале. Больше. — Пауза. — Он… — Она подыскивала слово. — Он привязан.

— Привязан?

— Нити от него идут вверх, — сказала Ирма. — Сквозь крепость. В купол. Двенадцать толстых нитей. К двенадцати куполам. — Пауза. — Но они не просто идут. Они натянуты. Как цепи. Как будто его заставляют держать. Силой. — Ещё пауза. — И ещё одна нить. Тринадцатая. На восток. В Ардаград. В столичный узел.

— Одна двадцатая, — сказал Велар. — По договору. Она приходит сюда.

— Приходит, — согласилась Ирма. — Но её мало. Он отдаёт куполам больше, чем получает. Намного больше. — Она опустила стекло. Посмотрела на Стаха. — Он держит купола из себя. Двести лет. Как Марина у цепи. Как Лада у рычага.

Стах стоял неподвижно.

— Он выдыхается, — сказала Ирма. — Скоро.

— Насколько скоро?

Ирма посмотрела на меня. Потом на Стаха.

— Не знаю, — сказала она. — Но с тех пор как Сердце проснулось на волос, он отдаёт больше. Пустошь давит сильнее — он держит сильнее. — Пауза. — Он не может отказаться. Его привязали.

Стах долго молчал. Потом положил ладонь на стену. Рядом с печатью. Не на печать — рядом.

— Сорок лет, — сказал он тихо. — Сорок лет я думал, что купол держат мои маги. Десять человек. Сменами. Ладонями на стекле. — Пауза. — Я давал им награды. Двойное жалованье. Отпуск раз в год. — Ещё пауза. — Они держали. А на самом деле…

— На самом деле они держат купол, — сказал я. — Но не одни.

Стах посмотрел на меня.

— Ваши маги держат стекло, — сказал я. — Снаружи. Чтобы оно не трескалось. Как штукатурка на стене. — Я посмотрел на печать. — А стену держит он. Изнутри. Как каркас.

— Каркас, — повторил Стах.

— Каркас, — сказал я. — Штукатурку видно. Каркас — нет. — Я помолчал. — Поэтому всё внимание и награды — штукатурке.

Зоя, стоявшая позади всех, тихо сказала по-русски:

— Земляк. Это как у нас на трассе. Дорожникам — премии за разметку. А за то, что под асфальтом, — никому. Пока не провалится.

Стах не понял слов. Но, кажется, понял интонацию. Он посмотрел на Зою. Долго.

— Ваша женщина говорит что-то правильное, — сказал он мне.

— Она всегда говорит что-то правильное, — сказал я. — Только по-русски.

Зоя пожала плечами.

— Я ж дальнобойщица, — сказала она по-местному. Стаху. — Я двадцать два года езжу по тому, что под асфальтом. Мне видно.

Стах посмотрел на неё долго. Потом сказал, к моему удивлению, совершенно серьёзно:

— В гарнизоне не хватает таких людей. Которым видно, что под асфальтом.

— А что такое асфальт? — спросил Велар.

— Это то, — сказала Зоя, — что кладут сверху, чтобы не видеть, что снизу.

Велар записал. Я заглянул. «Асфальт — покрытие, предназначенное для сокрытия нижележащих слоёв. Аналог: пункт двести восемнадцатый».

Вечером мы собрались в библиотеке. У Велара. Он дошёл до двести шестидесятой страницы и сказал, что если его ещё раз оторвут, он начнёт заново, потому что потеряет нить.

— Пункт сто четвёртый, — сказал я. — Стена открывается только по приказу короля.

— Король не знает, — сказал Грим.

— Узнает, — сказал я. — Через камень. Как с Ремезом. Как с Ладой.

— Шестой круг тёмный, — сказала Ирма. — Связь через него — как с плотиной до Тессы. Тонкая. Если кто-то на той стороне держит ладонь.

— Король держит ладонь на столичном, — сказал я. — Каждый вечер. Ремез писал. С тех пор как сказал Слово. Сидит у камня до полуночи. Учится чувствовать.

Ирма посмотрела на меня.

— Через столичный, — сказала она медленно. — Через тринадцатую нить. Она идёт отсюда в Ардаград. — Пауза. — Если узел за стеной не против — можно попробовать.

— А если против?

— Тогда, — сказала Ирма, — будет как у Бабкиного камня, когда я сказала обратное Слово. Вспышка.

— А стена?

— Стена — не узел, — сказала Ирма. — Связь пойдёт сквозь неё. По нити. — Она посмотрела на меня. — Ты хочешь позвонить королю через узел, который за стеной, которую нельзя открыть без приказа короля, чтобы король приказал её открыть?

Я подумал над этим.

— Да, — сказал я.

Велар оторвался от устава. Посмотрел на меня. Долго.

— Мастер, — сказал он. — Это тоже замкнутый контур. Только наоборот.

— Наоборот?

— Вы входите в систему через ту дверь, которую она не охраняет, — сказал Велар. — Потому что она не знает, что это дверь. — Он помолчал. — В уставе крепости ничего не сказано про звонки через узел. Ни слова. Я проверил. — Пауза. — Двести шестьдесят страниц. Ни слова.

— А на остальных ста пятидесяти двух?

— Не знаю, — сказал Велар честно. — Но вероятность низкая. Устав писали люди, которые не знали, что через узлы можно звонить. — Он снова опустил глаза в том. — Как пункт двести восемнадцатый писали люди, которые не знали, что с запада может прийти человек.

Ночью, в своей комнате с узким окном, я записал:

«Журнал. Предел. День второй.

Устав крепости — четыреста двенадцать страниц. Велар читает. Обещал коменданту до конца. Комендант дошёл до конца один раз в молодости. С тех пор читает только последний пункт. Остальное — про то, как правильно стоять у стекла.

Пункт двести восемнадцатый: Если часовой увидит на западе нечто, не являющееся Пустошью, он обязан доложить, что видит Пустошь, ибо на западе нет ничего, кроме Пустоши.

Машина для того, чтобы не видеть. Феноменология институционального восприятия. У нас про это пишут книги студенты философских факультетов. Здесь — пункт.

Стах нарушил двести восемнадцатый, когда написал докажите. Самое большое нарушение устава за двести лет — подумать.

Четвёртый ярус подвалов. Чёрная стена. Печать Арвида — круг с точкой. Не открывать. Держит.

Пункт сто четвёртый: стена открывается только по приказу короля. Король не знает, что стена есть. Не записано. Не записано, потому что Средоточие не записало.

Уловка двадцать два. Стах: Хороший роман. Чем кончается? — Лётчик сбегает на лодке в Швецию. — У меня нет лодки. И нет Швеции.

Ирма: за стеной — шестой узел. Привязан. Двенадцать нитей натянуты, как цепи, к двенадцати куполам. Тринадцатая — в Ардаград. Одна двадцатая приходит. Отдаёт больше. Держит из себя. Двести лет. Выдыхается.

Маги гарнизона держат стекло. Штукатурку. Узел держит каркас. Штукатурке — награды. Каркасу — никому. Зоя: Как дорожникам премии за разметку. А за то, что под асфальтом, — никому. Пока не провалится.

План: позвонить королю через узел за стеной по тринадцатой нити. Чтобы король приказал открыть стену.

Велар: Это замкнутый контур наоборот. Вы входите через дверь, которую система не охраняет, потому что не знает, что это дверь. В уставе ни слова про звонки через узел. Двести шестьдесят страниц».

Я закрыл журнал.

За окном лежала Пустошь. Серебряная. Колышущаяся. С полосой тишины посередине — от купола до Чёрного гребня. По этой полосе, далеко, у горизонта, плыло облако. Одно. Наше. От первого накормленного узла.

Оно подплыло к куполу ещё вечером. И остановилось. Прямо у стекла. Напротив кре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.